

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА,
Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ*

**Финансовый капитал как системообразующий
базис экономики***

Политика реформирования российской экономики поставила множество проблем внедрения капитала как в экономику, так и в общественное сознание. При этом сложился интересный парадокс: ставится и решается большое количество конкретных вопросов, так или иначе связанных с капиталом (капитализация, уставный капитал, частный капитал, акционерный капитал и т.п.), но вне поля зрения остается общее представление о капитале - что такое национальный капитал как система разных функциональных капиталов, каковы функции капитала в формировании рынка.

Данный парадокс отражает то обстоятельство, что на первом этапе реформирования проблемы капитала являются вторичными по отношению к развитию рынка. На наш взгляд, за этим стоит не что иное, как противоречие, о котором речь впереди. Однако сформулировать его нужно теперь. С одной стороны, трансформация у нас была сориентирована на создание финансово-денежных рынков вокруг бюджета как сферы образования дополнительных финансовых ресурсов и рыночной стабилизации рубля, с другой — эта задача носила характер автономных (от общественного производства) макроэкономических преобразований, в дополнение к которым была осуществлена рыночная трансформация микроуровня путем многошаговой приватизации и таким образом образован реформаторский базис частной собственности. Однако не были созданы механизмы структуризации частной собственности и частного капитала - механизмы системного взаимодействия микро- и макроэкономики. А рынок, если в нем сложилось мощное индустриальное ядро, не может обходиться без таких механизмов.

Почему же все произошло так, как произошло? Если иметь в виду идейную подоплеку, то общественное сознание переоценило трансформационные возможности рынка свободной конкуренции, приписав ему и только ему экономические основания либерализации. Если рассматривать вопрос в историческом ракурсе, то перестройка государства, бывшего субъектом централизованного планирования, в субъект финансово-денежного управления экономикой направляла усилия реформаторов на преодоление натурализации социалистического общественного производства, а также на расширение рыночной периферии. Объективно либерализация в объеме нового общественного строя была не нужна, хотя нужна была либеральная идеология как фокус и усилитель социально-политической поддержки реформ.

Итак, первый этап реформирования можно оценить как преобразование советской

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-02-02173).

Е в с т и г н е е в а Людмила Петровна - доктор экономических наук, заведующая лабораторией Международного научно-исследовательского института проблем управления.

Е в с т и г н е е в Рубен Николаевич - доктор экономических наук, руководитель центра Института международных экономических и политических исследований РАН.

модели социализма в модель, лишь наполовину освобожденную от структур и идеологии рыночного социализма. Это - частичное реформирование, так как рыночный социализм есть симбиоз концепции рынка свободной конкуренции и государственного "косвенного" регулирования.

Все дело в том, что любые модели социализма в той мере, в какой макроуровень развернут не в структурах макроэкономики, а в структурах государства (точнее - в его функциях), практически не выходят из пространства фирмы, т.е. микроэкономики. Точно так же и любые модели рынка как сферы функционирования предприятий являются моделями общественного производства как микроэкономики. И те и другие отвечают условиям экстенсивного типа развития. Его историческое время заканчивается вместе с образованием индустриального ядра и созреванием необходимости перехода к последовательно интенсивной, а затем и постиндустриальной экономике. Если экономика не производит смену типов экономического роста вовремя, она входит в режим перенакопления, падения эффективности и отрицательных приростов. Именно так и было на старте реформ.

Формирование финансово-денежного капитала отвечало на трудности государства в этом плане. При этом одновременное сохранение за государством лидерства в трансформации реального сектора экономики — государство осталось главным финансистом и главным инвестором - создало барьер для нормальной рыночной стыковки микро- и макроуровней. Индустриально развитая экономика вовсе не сокращает вмешательства государства в рынок, но создает рыночные институты государственного участия в экономике, общим основанием которой становится финансовый капитал. Роль финансового капитала как нового базиса рыночной экономики не понята у нас ни государством, ни обществом. Тем самым складывались условия для неадекватного соединения экстенсивной и интенсивной моделей индустриального рынка.

Данный факт породил избыточно широкое поисковое поле вариантов реформирования, а значит, избыточно широкое поле проб и ошибок рыночной трансформации. Такое расширение коридора формирования вариантов рыночной трансформации ведет к аккумуляции ошибочного выбора, если он возникает. А это просто неизбежно, так как политика (по крайней мере на первом этапе реформирования) превалирует над экономикой, а общественное сознание отрывается от объективно необходимых траекторий экономического развития.

Какова должна быть стратегия рыночной трансформации общественного производства, обеспечивающей экономический подъем? На этот вопрос нельзя ответить, не ставя проблемы капитала как нового системного базиса экономики. Но избыточно широкий коридор выбора вариантов загуманил данную проблему. Государство на радость прокоммунистической оппозиции пытается регулировать экономику "по частям": отдельно финансово-денежный сектор, отдельно традиционные отрасли общественного производства и т.д. Фактически реформа втягивается в китайскую модель двухсекторной экономики, что неадекватно современной российской экономике с мощным индустриальным ядром, приблизившейся к исторической границе между индустриальной и постиндустриальной стадиям развития.

Завершение первого этапа реформ и исчерпание исходной теоретической модели рынка свободной конкуренции совпадают. С одной стороны, все негативы можно приписать исходной теоретической модели. В этом направлении активно работает оппозиция. С другой стороны, все конструктивные предложения просто в силу их направленности против негативов оказываются сориентированными и против исходной теоретической модели. Любопытный пример дает статья советника аппарата правительства РФ М. Делягина. Он пишет: "Решая экономические проблемы, государство все еще по инерции ориентируется на либеральную идеологию" [1], отождествляемую им с моделью рынка свободной конкуренции. Это дает ему основание (ложное, на наш взгляд) противопоставлять либерализму рыночное государственное регулирование, вместо того, чтобы противопоставлять абстрактному либерализму (и адекватной ему идеологии взаимного отталкивания рынка и государства) действительный (имеется в

виду философская триада "абстрактное - конкретное - действительное") либерализм, в рамках которого индивид как важнейший исходный субъект истории помещен в сложное многокритериальное пространство структурно-уровневой экономической системы. В этом случае либеральная идеология требует углубления анализа и замещения системы "рынок - государство" системой "капитал - государство". Последняя должна быть развернута в совокупность двух параллельных структур: глобальной инвестиционной денежной системы во главе (и на основе) с финансовым капиталом и социальной системы общественных институтов во главе с государством как верховным социальным субъектом.

Смена приоритетов реформирования должна быть осуществлена на стыке между первым и вторым этапами реформирования, но она не может быть простой, непосредственной реакцией на негативные стороны (попыткой исправить ошибки) рыночной трансформации. Причем, подспудный смысл данных сторон остается невыясненным. В этом случае обществу грозят стратегические просчеты: например, замена макроэкономического уровня реформирования микроэкономическими при непонимании того, в чем суть отношений к общественному производству государства и финансового капитала, а также того, каково место финансового капитала и государства в структурно-уровневом строении рыночной экономики. Смену приоритетов необходимо выверить объективной логикой становления рыночной экономики, которая вытекает из базисных функций капитала.

Но именно этот аспект капитала совершенно не проработан наукой и не освоен общественным сознанием. Показательна позиция Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Например, А. Белоусов считает, что системный кризис российской экономики, хотя и имел корни в советской модели, своим размахом обязан "воздействию социального макропроекта либеральной модернизации на советское общество..." [2, с. 20]. Более того, утверждается, что реформе не удалось остановить спонтанного саморазрушения экономики социализма, которое началось с середины 70-х годов. Справедливо оценив ограниченность абстрактной либеральной модели, Белоусов вовсе не противопоставляет ей модель сложного рынка, в которой бы взаимодействовали институциональные субъекты разного уровня, а либерализация выражала существование массового собственника. Остаются в стороне и проблема рыночной трансформации на базе капитала, и вопросы взаимодействия капитала и государства. Напротив, используется методология политэкономии социализма. Она альтернативна, а значит, в известном смысле адекватна парадигме абстрактного либерализма: логика строится на взаимодействии "социального субъекта" (государства) и "хозяйственных агентов" (рыночных субъектов микроуровня), субъект разрабатывает "правила игры" для хозяйствующих агентов, содержание экономического регулирования состоит в "увязке сдвигов в производственно-отраслевой структуре индустриальной системы с изменениями в структуре конечного спроса" [2, с. 37].

Однако самораспад социализма начался как раз потому, что государство больше не могло управлять экономикой как суммой ресурсов, с одной стороны, и совокупностью хозяйственных агентов, или хозрасчетных предприятий, - с другой. Возникли *проблема объекта* как сложной системы кругооборотов и оборотов капитала, продукта и доходов, *проблема субъекта* как сложной многоуровневой институциональной системы экономики и, наконец, *проблема синергетического развития экономики* на принципах самоорганизации в пространстве широкого социального контекста экономических процессов. Тем самым мы получили проблему рынка с встроенными вертикальными структурами. Чтобы понять его природу и перспективы развития, исходя из этой природы, нужно исследовать связь "капитал - рынок" как систему становления национального капитала, включая и аспект отношений государства и капитала, а самую рыночную трансформацию как процесс разворачивания разных аспектов рыночной макроэкономики, базисом которой является финансовый капитал в отличие от базиса микроэкономики - производительного капитала.

На наш взгляд, раскрыть содержание нового рыночного базиса экономики, транс-

портирующего ее в систему рынков, адекватную высокому технологическому уровню вещественного производства, можно только концентрируя анализ на проблеме финансового капитала. Вместе с тем финансовый капитал - наиболее общая начальная категория рыночной трансформации: это такой объект частной собственности, который позволяет сразу же сформировать определенное распределение этой собственности и тем самым задать систему социально-экономических субъектов общественного производства.

Предполагаемый подход обладает большой "разрешающей способностью" с точки зрения практического видения проблем. В частности, если мы исследуем рыночную трансформацию как становление национального капитала, мы должны определить ту историческую точку, когда экономика выходит за рамки оптимизации ресурсов и становится зависимой от базисной роли финансового капитала. Этот вопрос просто не виден в рамках методологических возможностей микроэкономического подхода. В нем все сложные структурные проблемы рыночной трансформации укладываются в формулу "серьезно нарушилась структурная целостность индустриальной системы" [2, с. 23]. Зададим риторический вопрос: нарушилась целостность отраслевой структуры перенакопления, целостность инфляционной отраслевой структуры, сложившейся к началу реформ? Другой пример "методологической слепоты": вне внимания остаются институциональные (формальные и неформальные) и структурные, воспроизводственные процессы внутри рынка, которые дают начало как углублению рыночной трансформации, так и освоению государством рыночного поведения.

С нашей точки зрения, мы имеем дело не с теоретическим, а с историческим противоречием начального этапа переходной экономики, идеологически связанным с исходной либеральной моделью. Оно состоит в том, что массовая, ваучерная приватизация, создав жесткую связь дохода с собственностью, не создала (что, кстати, невозможно в рамках абстрактного либерализма) механизма оборота собственности и основных производственных фондов (ОПФ). Предприятия оказались поставленными в зависимость от максимизации частного дохода как генерального источника инвестиций. В результате - ни инвестиций, ни дохода. Однако критикуемая нами концепция полностью лишена историчности. Так, читаем: "В России государство традиционно, в том числе и до 1917 года, играло системообразующую роль и в экономике, и в обществе... Функцию гражданского общества выполняли особые корпорации (дворянство, КПСС)..." [2, с. 30]. Мы вправе ожидать от автора, который использует понятия эволюции, общественных институтов, исследования роли государства в связи с природой собственности, а на современном этапе - осмысления взаимодействия государства и национального капитала с учетом алгоритма становления последнего.

Итак, наше кредо - рыночная трансформация есть *процесс становления сложной структурно-уровневой рыночной экономики, базисом которой является финансовый капитал*. Здесь должны быть выделены два аспекта: во-первых, теоретические предпосылки перемещения базисной роли в экономике от производительного капитала к финансовому, во-вторых, особенности российской переходной экономики с точки зрения формирования в ней системы национального капитала.

В поставленной нами проблеме есть самый общий - парадигмальный - аспект. Он касается содержания объективного и субъективного и их взаимной метаморфозы. Мы живем в ситуации, когда предметом общественного сознания и целей государственной политики являются не факты, а артефакты, в которых прямо или косвенно всегда присутствует субъект. Объективное, закономерное проявляется через: системность; движение в форме кругооборотов (капитала, продукта, дохода и т.д.); сложное четырехзвенное единство объективного и субъективного; эволюцию, включающую внутренние источники социальной энергии преобразований, адекватные синергетической квантовой природе развития индустриального и постиндустриального общества. Очевидно, что без проработки указанного аспекта мы не сможем полностью убедить читателя. Однако наша цель скромнее - показать, что трансформация социализма лежит на пути усложнения его экономики и предполагает системные решения, на-

правленные на замену социалистического базиса (общественной кооперации живого труда) базисом рыночной макроэкономики - национальным капиталом, представленным кооперацией различных функциональных капиталов. Что это такое?

Понятие капитала и его эволюция

Первому, классическому этапу развития капитализма теоретический итог подвел А. Маршалл. В смитовскую трактовку капитала как части имущества, предназначенной для извлечения дохода, он ввел два конкретизирующих добавления. Во-первых, это - имущество для предпринимательской деятельности, поэтому его можно назвать торгово-промышленным капиталом, во-вторых, использование капитала создает доход в денежной форме [3].

Формирование рыночной макроэкономики поставило перед наукой задачу осознать новую роль капитала в изменившихся условиях. Д. Кейнс показал, что капитал на макроуровне как бы расщепляется на свои формы: *деньги* не как средство платежа внутри товарно-денежного оборота фирмы, а как целостная банковская структура, имеющая двухуровневое строение; *капитал* в сфере производства, выступающий в форме долговременных производственных активов, которая выражает его как целостность; *доход*, способный к капитализации и распадающийся в связи с этим на сбережения и потребительский (потребляемый) доход.

Вместе с тем обращение к разным видам капитала потребовалось Кейнсу не столько для того, чтобы раскрыть системную природу капитала, сколько затем, чтобы выявить роль денежной его формы. С одной стороны, она объединяет капитал в денежном обороте. В нем достигается сбалансированность общественности производства благодаря тому, что выравниваются процент, предельная эффективность инвестиций и норма сбережений в доходе. Изучая капитал как сбалансированную совокупность денежных потоков, Кейнс сумел выявить макроэкономическое содержание спроса и предложения с учетом факторов ожиданий относительно уровня цен, доходности капитала и стоимости денег. С другой стороны, приведение капитала к денежной структуре экономики (к *денежной экономике* в терминологии Кейнса) обуславливало демократический подход к экономике на уровне методологии. Кейнсианская концепция включила в процессы формирования структуры и динамики экономического роста личную инициативу и соединила объективные структуры и институты. Тем самым капитал стал базисом формирования экономической системы, способной к самоорганизации с участием социальной сферы, государства и индивида.

Итак, Кейнса волновала денежная форма капитала в аспекте ее структурности, складывающейся в рамках рыночного равновесия макроуровня, и именно поэтому - в аспекте размерности экономики на разных ее уровнях и в разных сферах. Его критик и последователь Дж.Р. Хикс проложил мост к монетарно-монистическому толкованию капитала, сформулировав тезис, согласно которому «"капитал" - это "денежный капитал" в том смысле, что представляет собой средства производства, которые можно ссудить; тогда это право распоряжаться данным количеством денег». По Хиксу, капитал определяется из формулы: $\text{доход} = \text{потребление} + \text{накопление капитала}$, причем доход и капитал различаются как доход *ex post* и доход *ex ante* [4, с. 265, 297, 298]. Концепция Хикса привела к двум последовательным тавтологиям. Сначала "исчезает" капитал, который как бы растворяется в денежном обороте. Затем "исчезают" деньги, которые "оказываются просто самым совершенным видом ценных бумаг" [4, с. 277]. Таким образом, макроэкономическая природа капитала выявляется в виде финансово-денежного сектора экономики, или в виде системы финансово-денежных оборотов, а сам капитал с учетом его нового (по сравнению с временами Маршалла) конкретного содержания становится финансовым капиталом. Правда, сам Хикс не употреблял этого понятия. Более того, после Хикса стало почти неприличным употреблять само слово "капитал", на его место пришли "финансовые активы". Без Хикса был бы невозможен монетаризм.

Три предпосылки заставляют нас подойти к хиксианству критически вовсе не для того, чтобы опровергать, а в плане соотнесения его концепции с рыночным равновесием по Кейнсу, в основе которого лежит взаимодействие самостоятельных функциональных форм капитала, а также с цикличностью кругооборота производительного капитала (пусть понимаемого как потенциальный доход, но имеющий свою сферу вне финансово-денежного сектора экономики). Во-первых, нельзя запросто апеллировать к понятию "финансовый актив", если не решена проблема капитализации социалистического производительного потенциала страны. Производительный капитал еще только складывается и еще только формируются его связи с финансовым капиталом. Во-вторых, для переходной экономики остро стоит проблема системных отношений разных функциональных капиталов. Очевидно, что углубление рыночной трансформации общественного производства не может опираться исключительно на политику "точек роста" в реальном секторе и на политику процентной ставки в финансово-денежном секторе. В первом случае игнорируется целостность общественного производства, во втором - системные связи финансово-денежных рынков со всеми другими рынками. В-третьих, явное наращивание приоритета бюджетной политики также требует исследования системных взаимодействий бюджета и финансового капитала - не ставит ли такой приоритет Россию в промежуточную позицию между социализмом и рыночной экономикой, что не может не тормозить рыночную трансформацию?

В переходной экономике вопросы системных свойств капитала стоят более остро, чем в традиционной капиталистической экономике, где система рынков создавалась исторически и принимала во многом значение само собой разумеющихся феноменов развития. Так, Кейнс не интересовался вопросом формирования разных экономических сфер, но его волновали те особенности капитала, которые обуславливали их единство, и прежде всего единство микро- и макроуровней экономики. И именно в этой связи он исследовал взаимную метаморфозу инвестиций (денежной формы капитала) и дохода [5, с. 199, 200]. Что касается Хикса, то он ушел еще дальше от анализа становления рыночной макроэкономики и изучал, скажем так, деньги развитой рыночной экономики, для которых верна формула "деньги, приносящие деньги, есть капитал". Отсюда нюансы в определении уровня процента как стоимости денег. Для Хикса величина процента определяется стоимостью риска вложений, скорректированной структурой разных видов финансовых активов и их прибыльностью [4, с. 278, 279, 283]. В кейнсианской трактовке процент равен разнице между предельным доходом и предельными инвестициями, интегрированными по всем видам вложений в производство и тем самым равными инвестиционному спросу, идущему от производительного капитала в целом [5, с. 200, 201]. В обеих концепциях ставка процента реагирует на инфляцию, но если, по Кейнсу, воздействие повышения уровня цен опосредовано изменением предельной эффективности капитала под влиянием изменения ожидаемой доходности производственных инвестиций, то изменение ставки процента по Хиксу определяется состоянием сбалансированности валютного, денежного и фондового рынков.

Несколько огрубляя вопрос, можно сказать, что в России реформаторы пользуются концепцией Хикса, тогда как оппозиция не ушла от Маршалла. В первом случае программы реформирования ограничиваются формированием финансово-денежного сектора, включая и рынок корпоративных акций. Выход из экономического кризиса рассматривается как производный от финансово-денежной стабильности и повышения на этой основе поступлений денежных средств в производство от внутренних и внешних инвесторов. Во втором случае объектом разработки практических рекомендаций и теоретических суждений является предпринимательство, его условия и факторы, куда вовлекаются и финансово-денежные компоненты. Вне игры оказывается кейнсиан-СВВО, которое почему-то сводится к теории градуализма (постепенности реформирования при сохранении лидирующих позиций государства в экономике).

На самом деле концепция Хикса имеет более частное значение по сравнению с кейнсианством. В ней предметом анализа и практических выводов является бюд-

жетно-денежная сфера, тогда как кейнсианство охватывает всю экономическую систему. Именно системный аспект положен в основу теории рыночного равновесия. Должны были существовать особые причины того, почему именно хиксианство и монетаризм послужили начальной теоретической платформой реформ (об этом поговорим несколько позже).

Теоретическая заброшенность общественного производства не может быть компенсирована учением Маршалла или близкого к нему марксизма. Они находятся в плену микроэкономического подхода к анализу, так как важнейшим их методологическим тезисом является примат производительного капитала в построении всех сфер экономики и даже общества (у К. Маркса). Но Кейнс показал, что макроуровень складывается как надстройка над микроэкономикой и развивает свои специфические финансово-денежные структуры, тем самым происходит трансформация экономики в *денежную экономику* [5, с. 368, 369]. Примат производительного капитала уходит с исторической сцены, но не сам производительный капитал, который занимает свое равноправное место в рыночном равновесии макроэкономического типа или, что то же, в рыночном равновесии по Кейнсу.

Между тем в хиксианской критике кейнсианства¹ скрыт поиск базисной формы капитала, обладающей системообразующей функцией. В прямой постановке эта проблема не привлекала внимания обоих экономистов. Другое дело - проблема поддержания рыночного равновесия. Нужно было найти механизмы его воссоздания, а это уже равноценно проблеме становления национального капитала как системы функциональных капиталов. В этом пункте понадобится все наше внимание, если мы хотим понять тенденции рыночной трансформации в России.

Анализируя условия и варианты выхода из равновесия, Кейнс описал две возможности складывания устойчивой ситуации нестабильности, принимающей форму псевдостабильности. Обе уходят корнями в обычный циклический кризис перенакопления, но при этом переходят его рамки. Так, на повышательной инвестиционной волне создается возможность перенакопления и повышения уровня цен. При приближении к границе полной занятости инфляция может оторваться от регулирующего воздействия процентной ставки и перейти в режим "подлинной", или "истинной", инфляции, когда рост цен не вызывает увеличения спроса, а обуславливает, видимо, через посредство неформальной девальвации внутренней валюты, наращивание стоимости затрат [5, с. 184, 378, 379, 385].

На понижительной инвестиционной волне цикла может возникнуть ситуация квазистационарности. По Кейнсу, первая, инфляционная, нестабильность имеет спонтанные механизмы формирования, тогда как разыграть карту квазистационарности может только государство. Механизм очень простой (заметим, совпадающий с условиями социалистической воспроизводственной модели). Во-первых, динамика инвестиций находится в функциональной зависимости от динамики занятости. Во-вторых, экономика носит застойный характер в том смысле, что предельная эффективность капитала близка к нулю, а НТП дозирован указанными функциональными рамками - функциональной зависимостью инвестиций от занятости. В-третьих, уровень цен поддерживается стабильным. Кейнс показал, что квазистационарность чревата переходом в режим экономического спада [5, с. 290, 291].

Таким образом, в обоих случаях речь идет о гиперкризисах. Выход из них, по мнению Кейнса, связан с адекватной государственной политикой, которую он определял как "социализацию инвестиций" [5, с. 453]. Он неоднократно подчеркивал необходимость деликатного поведения государства, так как рыночное равновесие хрупко. Хикс фактически отрицал идею гиперкризисов, полагая, что если абстрагироваться от общей нестабильности мира, то угроза нестабильной цикличности с затяжными

¹ Так можно интерпретировать попытку заменить плюрализм функциональных капиталов в рыночном равновесии финансовым капиталом (финансовыми активами) с адекватным ему монокритерием, каковым является ставка процента.

периодами спада вытекает из неравномерности средних темпов инноваций [4, с. 441]. По его мнению, существует имманентный современной экономике механизм устойчивости, который по смыслу является механизмом сглаживания колебаний как на спаде, так и на подъеме. В результате возрастают экономические функции государства [4, с. 440, 441]. Такую перспективу он выводит из обособления финансово-денежной структуры как сферы макроуровня.

В этом пункте он существенно расходится с Кейнсом. Если для последнего формирование финансово-денежной системы как системы макроуровня означает усложнение содержания рыночного равновесия, то для Хикса - это основание для выхода за границы спонтанного развития рыночной экономики и перехода к регулируемому экономическому росту. При этом Хикс важным фактором устойчивости регулируемой экономики считал существование микроэкономики с ее инерционной системой рыночного товарно-денежного равновесия, что делает ее зависимой от равновесия на денежном рынке [4, с. 270], а значит, управляемой.

Освободить рыночное равновесие макроуровня от регулирования по предельной эффективности капитала - значит укоренить финансово-денежные рынки в валютном рынке и рынке государственных ценных бумаг (ГЦБ), предоставив при этом общественное производство самому себе и используя менее агрегированные традиционные (ценовые) механизмы равновесия внутри товарно-денежного оборота... Разве это не та модель, по которой мы направляем рыночную трансформацию в России?

Очень важно понять: Хикс прав только в том, что указал на существование тенденции к увеличению дистанции между уровнями экономики и что в пространстве этой тенденции возрастает экономическая власть государства. Вместе с тем он как бы проигнорировал два момента из концепции Кейнса. Во-первых, проблему "присутствия" производительного капитала в рыночном равновесии макроуровня. (Это - циклообразующая зависимость динамики инвестиций от предельной эффективности капитала. Нам представляется, что решение верное, но неполное.) Во-вторых, проблему гиперкризисов двух видов - гиперинфляции (истинной инфляции) и квазистационарности.

Существенно, что проблема гиперкризисов не сводится к размаху колебаний, присущих обычному деловому циклу. Это - проблема изменения типа эволюции, в рамках которой развитие совпадает по смыслу со становлением системы функциональных капиталов во главе с финансовым капиталом и осуществляется на принципах рыночной самоорганизации. Государство не может быть не втянутым в этот процесс, его взаимоотношения с рынком сложнее, нежели "наведение денежного контура", стабилизирующего товарно-денежный оборот.

По сути, Кейнс подвел экономическую науку к современному синергетическому направлению исследования становления как самоорганизации, исходя из квантовой природы развития, в соответствии с которой энергетический потенциал эволюции формируется в процессе переходов от порядка к поисковому хаосу и к новому порядку. Такова природа изменения сложных систем, и оно идет по пути их дальнейшего усложнения, сопровождаемого усилением их открытости. Это нелинейные неравновесные системы, внутри которых складываются множественные варианты развития, происходит их вероятностный отбор, возникают разного типа устойчивые неравновесные и равновесные состояния, заключающие в себе разное качество и превращающие самоорганизацию в последовательность неравновесных фазовых переходов [6].

Кейнс сделал принципиальный шаг в этом направлении, раздвинув уровни экономики и зафиксировав наличие между ними как центробежных, так и центростремительных сил. Хикс внес свой вклад в анализ конкретных механизмов и форм действия центробежных сил. Нам очень важно углубиться в эту проблему, чтобы не только понять содержание системной эволюции социализма в ходе его рыночной трансформации, но также осмыслить внутренние структурные связи рыночной экономики макроэкономического типа и вытекающие из них факторы повторяемости сценария становления за границами переходного этапа.

Если привлечь научные достижения в области изучения природы сложных систем, то наблюдение за практикой российского реформирования приводит к мысли, что развитие современной экономики не только охватывает весь спектр явлений функционирования общества (социально-политические отношения, историю, культуру, весь мировой контекст развития цивилизации) в процессе глобальных качественных сдвигов, вроде системной эволюции социализма в рыночную экономику. Это и общий сценарий развития, начиная с момента, когда экономика становится многоуровневой и открытой. Границы между сферами жизнедеятельности общества, между внутренним и внешним его существованиями, внутри экономики (между ее уровнями) формируют как бы разломы, на которых складываются социальные напряженности и накапливаются институциональные, структурные и энергетические потенциалы качественных переходов. При таком подходе просто не возникает вопрос, участвовать государству в рыночной экономике или нет (конечно, участвовать, но не государство само по себе определяет то, как участвовать, с какими целями, какими средствами; экономические функции государства вытекают из складывающейся модели развития). Зато остро стоит проблема освоения взаимодействия уровней экономики. Это заставляет нас снова и снова вчитываться в Кейнса, так как он был первым, кто дал концептуальную проработку сложной экономической системы.

Если следовать логике Кейнса, нужно принять как факт существование в качестве узлового расклада сил взаимодействие центробежных и центростремительных экономических связей между макро- и микроуровнями экономики. Центробежные силы выражают экстремальную тенденцию отделения финансово-денежного сектора как макроуровня от реального сектора экономики как микроуровня. При этом происходит как бы редуцирование содержания капитала. Выше мы уже говорили о том, что капитал, принимая форму финансовых активов, включается в денежный оборот в качестве его практически неспецифицированной части, так как постоянно происходит портфельное выравнивание прибыльности разных активов. Капитал как объект собственности в этом случае ничем не отличается от собственности на деньги. Можно говорить о декапитализации финансово-денежных оборотов макроуровня. Одновременно происходит рационализация, которую Хикс трактовал как очищение финансово-денежного сектора от неопределенности будущего и приведение экономики к прозрачной и рациональной *экономике настоящего* [4, с. 244, 274, 275]. Не менее значимое ее качество - сращивание с государством, или огосударствление макроуровня. Благодаря ему воздействие макроуровня на микроуровень становится насильственным и опирается на политическую волю государства. По Хиксу это - все, но не по Кейнсу.

Действительно, Кейнс исходил из того, что макроуровень включает исключительно денежные структуры, по его мнению, рыночная экономика макротипа является *денежной экономикой*. Однако он видел не только обособление уровней, но и их соединение, выводил центростремительные силы из усложнения экономики и формирования ее целостности как единства уровней. Его концепция включала исследование рыночного равновесия не в форме редуцированного оборота "финансовых денег" с монокритерием - процентом, а как метаморфозы "деньги - капитал - доход". Речь шла, таким образом, о многокритериальной метаморфозе и выравнивании величины процента, предельной эффективности капитала и нормы сбережения в доходах. Очень интересно, что в неявном виде Кейнс вводил в условия равновесия использование рынком разной размерности. Деньги имели размерность кругооборота чистого дохода, или затрат труда. Доход исчислялся в единицах заработной платы. Капитал предполагал измерение в "капитальных" единицах, функционально определяемых предельной эффективностью капитала [5, с. 168, 282, 283, 150, 341, 210]². Все это недостаточно

² По мнению Кейнса, узел проблем равновесия заключался в содержании и механизме формирования капитальных денег: "Специфические проблемы денежной экономики будут возникать до тех пор, пока существуют какие бы то ни было активы длительного пользования, способные взять на себя функцию денег" [5, с. 369].

конструктивно, смазано идеей универсального экономического измерения по труду. Однако многокритериальность и трактовка денежного оборота макроуровня как метаморфозы устойчивых функциональных форм капитала принадлежат к самым существенным определениям рыночного равновесия макроуровня.

Кейнс аргументировал свою позицию, в частности, ссылкой на разные функции каждого из компонентов равновесия. Если деньги связывают структурные пропорции экономики в единую эффективную систему, направленную на приращение потребления, если уровень дохода - важнейший фактор, от которого зависит стабильность уровня цен, то капитал (в форме долговременных финансовых активов) переносит воздействие будущего на настоящее. Последний тезис конкретизируется в связи с введением понятия мультипликаторов. Внимательное изучение позволяет увидеть, что мультипликатор инвестиций жестко связан с капитальным коэффициентом, причем, как с циклическим параметром экономического роста. Равновесие по Кейнсу предполагает равенство мультипликаторов инвестиций и занятости, а это равносильно существованию тенденции капитального коэффициента к единице, а цикла расширенного воспроизводства капитала - к предельной величине, не определяемой автором строго, но жестко связанной с обеспечением тенденции капитального коэффициента к единице [7].

Кейнс приписывает компонентам равновесия конструктивность (сохранение автономности в процессе взаимодействия) в виде особых кругооборотов, имеющих вертикальные структуры, которые объединяют микро- и макроуровень. Практически его концепция содержит все признаки таких кругооборотов - указание на специфицированные денежные обороты, особенные единицы измерения и адекватные критерии, свои цикличности или по крайней мере свои временные размерности, свои системы субъектов и институты. Все это органически связано с автономией компонентов равновесия по Кейнсу. В той степени, в какой она реализуется через единство уровней, заданное формой кругооборотов, она порождает центростремительные силы. В поле их действия складывается глобальная сложно структурированная инвестиционная система рыночной экономики макротипа.

У Кейнса нет развернутого исследования равновесия в аспекте инвестиционной системы экономики. Однако он четко различает разные контуры³ финансово-денежного оборота: контур оборота капитала, или его финансовой формы - долговременных финансовых активов; контур оборота денег - кратковременных финансовых активов; контур оборота дохода - кратковременных финансовых активов, предназначенных для оплаты труда. При этом, если представить такую их ранжированность, чтобы на первое место по значимости был поставлен оборот капитала, это трансформирует всю совокупность оборотов в инвестиционно-денежную систему экономики. Это означает, что в рыночном равновесии макроуровня как бы зашифровано *новое системное содержание капитала — инвестиционные финансовые ресурсы, необходимо выступающие в роли материального, организационного и институционального базиса экономики и формирующего в этой связи всю полноту ее сфер и уровней*. У Кейнса отсутствует такой вывод, но даны все предпосылки для него в той степени, в какой формы и механизмы рыночного равновесия имеют содержательность системы инвестирования.

По отношению к этой системообразующей роли капитала узкими, частными определениями представляются его специализированные формы - денежный, финансовый, производительный капитал, сбережения, бюджет. Акцент на инвестиционную функцию капитала невольно ставит проблему иерархии форм капитала и обуславливает выделение финансового капитала как его базисной формы по аналогии с тем, как такой базисной ролью в рамках микроэкономики, или классического капитализма, был наделен производительный капитал.

³ Термин "контур" появился позже - в работах так называемой школы финансового кейнсианства, однако его логический субстрат был заложен в концепции Кейнса.

Капитал и структурно-уровневая экономическая система

Данного выше краткого теоретического эссе, возможно, было бы достаточно для перехода к анализу процесса образования российского национального капитала в условиях переходной экономики, если бы остро не стояла проблема экономической роли государства как в плане его принципиального отношения к рынку, так и с точки зрения его участия в формировании системы национального капитала. Сегодня эксперты фиксируют мировую тенденцию развития государства в направлении его становления как верховного социального субъекта. Из этого следует, что государство должно стоять в центре реформ.

Парадоксально, но данный тезис предполагает существование определенной дистанции между государством и экономикой, ведь она - объект регулирования. Вместе с тем это особенный объект, включающий в свою орбиту субъектов (и финансового капитала, и государства) и являющийся объектно-субъектной экономической системой, в которой принимает участие государство - сумма денежных и финансовых властей. Государство как целостность и единый субъект, противостоящий экономике, выступает как верховный социальный субъект и выражает себя в общественном целеполагании. В этой роли оно включено в систему социальных формальных и неформальных институтов, его сила прямо пропорциональна степени зрелости общественных институтов. Это делает государство зависимым от экономики вообще и, в частности, от национального капитала, так как есть прямая связь между содержанием и механизмами общественных институтов и степенью сложности экономики, а эта степень определяется ступенями развития капитала.

Чтобы прояснить данную проблему, придется несколько углубиться в вопрос о взаимодействии центробежных и центростремительных сил, соединяющих уровни экономики, ибо государство впервые входит в макроэкономику как экономический субъект на волне центробежных сил (как субъект дохода в рамках рыночного равновесия по Кейнсу). Становление экономических функций государства лежит в логике его развития от финансового субъекта в рамках рыночного равновесия по Кейнсу к денежному субъекту в рамках финансово-денежного равновесия по Хиксу (здесь потолок его развития как экономического субъекта). Третий, собственно финансовый, макроуровень формирует материальные и институциональные предпосылки перехода к государству - верховному социальному субъекту. Тем самым система общественных институтов становится одной из сторон процесса превращения финансового капитала в макроэкономический базис рыночной экономики.

Ее роль не менее важна, чем формирование глобальной инвестиционной денежной системы, непосредственно реализующей базисные функции финансового капитала. Институциональное развитие, обладая свойством целостности, создает внешнее давление, стимулирующее дополнительное по отношению к центробежным действие центростремительных сил. Они соединяют структурные уровни и тем самым обуславливают полное раскрытие их экономического потенциала. Нужно отметить, что в практическом плане институциональные факторы развития всегда представлены ролью государства в экономике, при том что сама эта роль корректируется потребностями экономики в ходе ее усложнения (появления структурных уровней).

Обратим внимание на то, что образование макроуровня и системы рыночного равновесия по Кейнсу шло, видимо, вплоть до 70-х годов и включало развитие бюджетно-денежной системы и государственного управления микроэкономикой с помощью финансово-денежных рычагов. Почему здесь важен рубеж 70-х годов? Потому что в этот период была полностью отменена привязка денежной эмиссии к золотому покрытию. Тем самым Центральный Банк (ЦБ), который, казалось бы, распространил влияние на всю систему финансово-денежных рынков, в том числе валютного и ГЦБ, оказался в зависимости от государства и чисто финансовых проблем бюджета (расходов, доходов, бюджетного дефицита, приоритетов финансирования экономического роста и социальных программ).

Сложилась парадоксальная ситуация, когда бюджет, будучи формой дохода и имея годовую размерность, обуславливал формирование из государства финансового, а не денежного субъекта. Парадокс разрешался по Хиксу: функции денег соединились с функцией финансовых активов. В то же время государство выделило внутри себя денежную власть и финансовую власть, причем первая строилась на лидерстве ЦБ, а вторая — на лидерстве министерства финансов (МФ). Однако если не стоял вопрос о раздельном существовании денег и финансов, то постоянно решалась проблема предпочтений либо денежных, либо финансовых приоритетов.

Уже в 70-е годы выявилось, что сколь бы ни был ЦБ независим, он не всегда может противостоять инфляционному давлению внутреннего долга государства. Между прочим, о спаянности государства и банковской системы в указанном выше смысле свидетельствует тот факт, что вплоть до 90-х годов научная общественность не осознавала финансовой проблемы как проблемы капитала: постоянно дебатировались вопросы способов управления инфляцией - либо процентная ставка, либо регулирование объема денежной эмиссии, т.е. имела место единая финансово-денежная политика государства. Точкой перегиба можно считать 90-е годы: в финансово-денежной системе обозначились новые полюсы приоритетов - не ЦБ и МФ, а процессы текущего и долговременного финансово-денежного управления.

В частности, было осознано, что существуют разные (текущие и долговременные) соотношения процентной ставки и уровня инфляции: в текущем аспекте процент управляет динамикой денежной массы и инфляцией, в долговременном - управление денежной массой является приоритетным по отношению к ставке процента [8]. Последнее может иметь место только потому, что количество денег является функцией массы капитала (точнее - отношения стоимости капитала к стоимости ВВП). Но тем самым регулирование количества денег имеет циклический долговременный аспект как регулирование инвестиционного денежного оборота и связанных с ним масштабов и механизмов залогового кредитования и конъюнктуры рынка корпоративных акций. В этом плане интерес представляют взгляды Дж. Сороса, обосновывающего идею, что денежная масса - не выводная величина в рамках экономической политики, а, напротив, "объем международных кредитов (т.е. массы кредитных денег. -Л.Е. и Р.Е.) должен считаться одним из важнейших факторов при выработке экономической политики" [9]. Однако Сорос не дал достаточно развернутого системного анализа, вероятно, потому, что он не разделил текущего и долговременного аспектов финансово-денежного оборота и неверно решил, что правильно говорить только о рефлексивном взаимодействии денег и кредита.

С точки зрения необходимости согласования разных (денежных и финансовых) приоритетов, с одной стороны, закономерно возросла роль кооперации денежных и финансовых властей и в целом усилилась тенденция к огосударствлению финансово-денежных отношений макроуровня. С другой стороны, появилась новая тенденция к жесткому обособлению двух контуров обращения финансово-денежных ресурсов: собственно денежного и собственно финансового обращения. Если в рамках денежного контура складывалась система управления финансово-денежной стабильностью и определялись параметры предложения денег и уровень текущих цен в сфере товарно-денежного оборота ВВП, то внутри финансового контура решалась задача оптимального распределения финансовых ресурсов с учетом долговременных тенденций расширенного воспроизводства, тесно связанных с регулированием цикличности капитала.

Теоретическим отражением указанных преобразований является теория контуров Х. Минского. Она как бы обозначила путь подготовки организационного и институционального преобразования финансово-денежного оборота в кругооборот финансового капитала и разворачивания на этой основе системообразующей, базисной функции финансового капитала для экономики в целом. Есть два обстоятельства для такой трактовки. Первое: у Минского речь идет о контурах в том плане, что появляются новые соединения рынков и в них разные иерархии рынков, разные инфраструктуры,

размерности, составы оборачивающихся финансовых активов, агрегатные (кооперативные) субъекты, институты. Тем самым контур можно интерпретировать как новое рыночное образование, хотя он и остается внутри финансово-денежного макроуровня. В соответствии с его концепцией появляется Большой Банк во главе финансового контура и одновременно возникает институт Большого Правительства во главе денежного контура [10]. Второе: контуры сбалансированы на уровне инвестиционных решений. Здесь введен очень интересный момент: государство утрачивает внутри своих экономических функций приоритетность инвестиционной деятельности, напротив, достаточно жестко выявляется его роль как социального субъекта и субъекта кругооборота дохода. Это и определяет границы государственного воздействия на рынок и его направленность на поддержание финансово-денежной стабильности. Вместе с тем уровень инвестиционных решений выводится из сферы поддержания финансово-денежной сбалансированности в сферу стратегического инвестирования и обеспечивающего его инвестиционного денежного оборота в рамках функционального пространства Большого Банка.

Тенденция к раскрытию всех функций финансового капитала как нового базиса рыночной экономики здесь схвачена верно. Она означает, что происходит дополнение центробежных сил взаимодействия экономических уровней силами центростремительными. Центробежной тенденции декапитализации, соответственно - монетизации, компонентов рыночного равновесия при переходе с первого (кейнсианского) на второй (хиксианский) макроуровень противопоставляется дополняющая ее центростремительная тенденция капитализации компонентов рыночного равновесия, которая отчетливо проявляет себя при переходе со второго на третий (финансовый) макроуровень. В результате имеет место временной лаг между действием центробежных и центростремительных сил: последние получают сильную поддержку со стороны институциональной системы, когда экономически созревают условия для обособления государства от экономики как верховного социального субъекта общества. Именно тогда структурные уровни, будучи вставленными в целостную систему, базисом которой становится финансовый капитал, завершают свое собственное становление. При этом на место денег в кейнсианской формуле рыночного равновесия заступает кругооборот финансового капитала, на место капитала встает кругооборот производительного капитала в его агрегатной финансовой форме основного капитала, на место дохода встает кругооборот дохода, в рамках которого сбережения служат опосредованно ресурсом инвестиций, являясь непосредственно ресурсом расширенного воспроизводства дохода. Таким образом, проблема капитализации структур макроэкономики, принадлежащих рыночному равновесию по Кейнсу, есть проблема формирования системы кругооборотов разных функциональных капиталов, входящих в глобальную инвестиционную денежную систему. Это главный момент, определяющий содержание процессов становления рыночной экономики на основе ее макроэкономического базиса.

В результате сама глобальная инвестиционная денежная система может быть интерпретирована в логике метакругооборота финансового капитала, включающего всю народнохозяйственную совокупность условий, факторов и механизмов воспроизводства финансового капитала, организованную тоже как кругооборот. Благодаря этому и кругооборот денег, и кругооборот производительного капитала, и кругооборот дохода следует считать специфическими ("превращенными" по марксистской терминологии) формами финансового капитала и специфическими сферами его функционирования.

Вообще, последовательность "кругооборот - оборот - метакругооборот" представляет собой общую логику экономических взаимодействий внутри сложной структурно-уровневой рыночной системы. Например, форма кругооборота применительно к доходу воспроизводит стабильность его распределения на сбережение и потребление благодаря поддержанию равновесия между затратами труда и уровнем дохода. Вместе с тем только в пространстве кругооборота производительного капитала могут быть осуществлены предпосылки стабильности уровня занятости, ибо они

сводимы к выравниванию мультипликаторов инвестиций и занятости, обеспечиваемому в свою очередь равенством полных затрат труда и полных затрат капитала в производстве продукции. Однако само это равенство (затрат труда и капитала) может быть инфляционным или нарушенным еще каким-нибудь способом. Его важнейшим условием в этой связи является кругооборот финансового капитала, в рамках которого, с одной стороны, формируется распределение денежных собственников на крупных (собственников капитала), средних (собственников капитализируемого дохода), мелких (собственников дохода как такового). С другой стороны, само это распределение определяет как общий объем инвестиций, так и их структуру в соответствии с тенденцией к сохранению пропорции между капиталом и доходом, отвечающей распределению собственников.

Мы полагаем, что соотношение денежного и финансового контуров финансово-денежной системы можно рассматривать как специфический механизм кругооборота финансового капитала. Если денежный контур выдает оптимальные цены на текущий ВВП в условиях поддержания финансово-денежной стабильности, если финансовый контур выдает оптимальные цены на финансовые ресурсы в условиях ориентации на предельную эффективность капитала, то их стыковка - сбалансированность этих двойных цен на уровне инвестиционных решений — объективно ориентирована на сохранение пропорции капитал-доход и воспроизведение распределения собственников. Значит, она предполагает стремление оптимального распределения финансовых ресурсов в общественном производстве к предельным параметрам расширенного воспроизводства капитала, адекватным его предельному циклу. При этом трансформация кругооборота финансового капитала в метакругооборот служит механизмом превращения финансового капитала в базис экономического роста со стабильной цикличностью, регулируемой предельным циклом.

Единство кругооборота и метакругооборота включает в себя проблему соотношения размерности и критериальности в экономике. В той же мере, в какой метакругооборот финансового капитала служит механизмом установления и поддержания устойчивой, предельной цикличности, он предполагает превращение экономики в сложную многомерную систему, объединяющую капитальную, стоимостную и трудовую размерности на принципах их равносильности. Собственно, предельная цикличность служит механизмом реализации единства (равносильности) разных размерностей. Условия рыночного равновесия по Кейнсу можно считать первой исторической формой проявления многомерности: процент - как первое проявление капитальной размерности, предельная эффективность капитала - стоимостной, предельная склонность к потреблению - трудовой⁴.

Метакругооборот, будучи системной формой кругооборота, объединяет существование единой размерности в его рамках и многокритериальности. Это позволяет вовлечь всю совокупность разнородных факторов и предпосылок в условия функционирования кругооборота. Например, логика формирования первого (кейнсианского) макроуровня такова, что он может быть интерпретирован как метакругооборот производительного капитала. Сумма условий функционирования производительного капитала здесь взята в качестве его воспроизводимой предпосылки, тем самым она представима как народнохозяйственный оборот ВВП в целом, или метакругооборот производительного капитала. По Кейнсу, кругооборот как ядро метакругооборота производительного капитала зафиксирован в последнем в форме его исходных *данных* — количества занятых и капитала, определяющих трудовую размерность метакругооборота или, что то же, народнохозяйственного кругооборота ВВП. Агрегированное рыночное равновесие первого макроуровня действует как механизм приведения разных компонентов этого уровня (процент, предельная эффективность капитала, норма сбережений к доходу) к единой трудовой размерности. Для этого и нужна

⁴ Мы только обозначили проблему, как мы ее понимаем. В работе Кейнса это самый интересный и самый запутанный компонент его концепции.

денежная форма, так как единый денежный оборот превращает автономность своих компонентов, притекающую из присущей им собственной формы кругооборота и адекватного ему критерия экономического роста, в относительную автономность, имеющую единую трудовую размерность. Наличие множества критериев выступает как контртеза по отношению к размерности. Не случайно они были зафиксированы Кейнсом в терминах *независимых переменных*. В результате синтез размерности и критериальности приводит к метаморфозе данных: они трансформируются в *зависимые переменные*. В этой форме они получают возможность испытывать воздействие инвестиционных процессов, в частности проблема занятости может быть решена с помощью аппарата мультипликаторов инвестиций и занятости и их взаимодействия. Процесс выходит за рамки метакругооборота производительного капитала — первый структурный макроуровень дополняется вторым и т.д. Но всякий раз проблема кругооборота встает в качестве воспроизводственного механизма фиксации новой усложненной размерности: трудовой, стоимостной, финансовой.

Нам представляется, что Кейнс концептуально описал первый макроуровень, Хикс — второй, Минский — третий. Мы не обсуждаем проблему законченности и полноты этих теорий. Нам важно осознать, что таких макроуровней в принципе может быть только три. Уровней макроэкономики столько, сколько компонентов рыночного равновесия по Кейнсу. Во-первых, образование первого уровня — рыночного равновесия в той мере, в какой оно решало проблему первичного разделения экономики на микро- и макро-, несло в себе потенциал дальнейшей структуризации, так или иначе связанный с взаимодействием центробежных и центростремительных сил, присущих единству уровней. Во-вторых, чтобы иметь существенное значение, каждая новая ступень в развитии макроэкономики должна трансформировать рыночное равновесие первого макроуровня так, чтобы для обособления новой ступени использовать автономию одного из компонентов рыночного равновесия, доводя автономию до отрицания, преодоления предыдущей ступени макроуровня последующей ступенью. Если первый структурный макроуровень можно соотнести с метакругооборотом (ВВП) и кругооборотом (производительного капитала), то второй макроуровень формирует связку кругооборота бюджета и его метакругооборота в форме народнохозяйственного кругооборота доходов населения. Третий же структурный макроуровень имеет строение кругооборота финансового капитала и его метакругооборота, или народнохозяйственного кругооборота национального капитала, представленного системой разных функциональных капиталов во главе с финансовым капиталом.

Функция оборота совсем иная, мало связанная с институтами, собственниками. Оборот (товарно-денежный, инвестиционный, финансовый, бюджетно-денежный и т.п.) представляет собой воспроизводственную форму движения вещных отношений и материальных потоков как таковых. Тем самым его назначение состоит в создании механизмов массовости рыночных отношений, а значит, и механизмов восприятия экономикой в целом и всеми ее структурными уровнями экономических инициатив. Обороты как бы раздвигают масштабы кругооборотов, в рамках которых субъекты воспроизводства жестко привязаны к исходной базе, питаются присущими ей источниками развития, используют критерии, адекватно выражающие размерность исходной базы кругооборота, в свою очередь однозначно определяющие для данного кругооборота его тип цены. Однако чем жестче структурные связи внутри кругооборота, тем больше в нем потенциал неопределенности: происходит дробление кругооборотов, появляются разные типы, варианты разных характеристик, нарушается единая размерность, которую вытесняют критериальные оценки. Обороты все это приемлют, удерживают, приводят в равновесие спроса и предложения. Благодаря оборотам, функционирование кругооборотов достигает порога неопределенности, когда делаются необходимыми переход к метакругообороту и приведение экономики к новому, более сложному порядку.

Если в рамках кругооборота фигурирует собственник капитала определенного вида, то в рамках метакругооборота субъектом становится монополизированный собст-

венник капитала определенного вида. Хотя на всех структурных уровнях субъекты имеют природу институтов, монополизация остается базисом формирования самих структурных уровней как автономных иерархических структур рыночной экономики.

Отвлекаясь от тенденций к интеграции и глобализации экономики, по-видимому, можно считать, что на финансовом структурном уровне макроэкономики завершается ее становление. В рамках кругооборота финансового капитала получает свою форму разделение национальной экономики на стратегические и текущие аспекты. Тем самым вектор структуроформирования получает направление вниз - к микроэкономике. В рамках метакругооборота финансового капитала реализуется его системная природа в виде метаморфозы превращенных форм финансового капитала: финансовый капитал как структура капитала-собственности, производительный капитал как структура капитала-функции, доход как структура капитала - социального базиса жизнедеятельности общества. Наконец, денежные обороты приобретают строение оборота специфицированных по типам обеспечения денег: капитальных, товарных и доходных.

Итак, теперь совершенно четко просматриваются как *базисная роль финансового капитала в структурно-уровневой экономической системе, так и то, что финансовый капитал как базис макроэкономики представлен системой глобальных кругооборотов капитала, продукта и дохода*, причем система имеет единое основание - *глобальную инвестиционную денежную систему экономики*. Складывается устойчивая модель экономического роста, структурной основой которой является совокупность параметров предельного цикла. На этой базе создаются предпосылки для одновременного роста общественного производства и благосостояния.

Капитал и государство

Если экономике открыты перспективы высокой эффективности и высокого благосостояния, то общество способно стать либеральным и освоить институты свободы применительно к отдельному человеку. Можно согласиться с теми западными учеными, которые связывают воедино глобализацию развития экономики и начало эры "постколлективизма".

Между тем экономические процессы не являются ни автоматическими, ни стихийными. Они включают неопределенность и вероятность, происходит формирование множества вариантов развития, выбор и конкуренция вариантов. Они наполнены живой человеческой активностью. Поведенческий пласт экономики постоянно сталкивается с проблемами, решение которых требует усилий государства: обеспеченность информацией и поддержка науки, контроль и предотвращение социальных конфликтов, экологическая защита, расширение мировых рынков и т.п. Огромна роль государства в организации публичных широкомасштабных дискуссий по вопросам социальных и политических приоритетов и направлений развития общества.

Чем глубже преобразование государства от института насилия к институту интегрирования общества как субъекта общественного сознания⁵, тем большее значение для развития государства приобретает создание экономических механизмов целостности экономики, базисом которой является финансовый капитал. С одной стороны, он обуславливает формирование экономических институтов централизации экономики и общества, с другой - определенная замкнутость экономики и грань между экономикой и социальной сферой, поддерживаемая не только финансовым капиталом как системным базисом экономики, но и развитием государства как центра институциональной эволюции, создает для каждого из них (экономики и государства) эффект взаимодействия внутренней и внешней сфер. Информационный обмен между ними несет новые энергетические импульсы, создает источники неравновесности и поддерживает режим самоорганизации в развитии как экономики, так и общества [6,

⁵ Индивиду принадлежит критическая, оценочная функция в формировании общественного сознания, коллективу - адаптационная функция.

с. 149, 150, 240]. В этой связи роль государства не уменьшается, а возрастает как в отношении к обществу, так и в отношении к финансовому капиталу и в определенном смысле в отношении к экономике в целом.

Качественные сдвиги всегда связаны с переходами через неопределенность, через поисковый хаос, через формирование и выбор множества вариантов, среди которых могут иметь место и катастрофические, и т.п. Это - ситуация бифуркации. Она опасна, но плодотворна. Ее конструктивной основой является реализация потенциальной возможности дистанцирования друг от друга экономики и социальной сферы, понимаемой глобально как система общественных формальных и неформальных институтов во главе с государством. Бифуркация в экономике начинается, когда превагирует политика, а не экономика, и преодолевается, когда политическая воля перестает быть узкополитической: государством осмысливаются экономические перспективы и оно в то же время способно возглавить процесс осознания ситуации и выбора общественных институтов. Таким образом, в той мере, в какой речь идет об эволюции общественных, государственных и экономических институтов, проблема эффективного государства не только не отвергает проблему либерализации общества, но служит механизмом ее реализации.

Хотя и невозможно перекинуть мост от методологического уровня рассуждений к конкретным вопросам реформирования российской экономики, очень важно осознать, как к ним подходить, что нужно точно знать в отношении допустимого и недопустимого в содержании исследовательской программы. В этой связи целесообразно сформулировать следующие тезисы.

Первый. Можно разделить этапы трансформации, в рамках которых специфически соединяются капитализация экономики, либерализация общества и превращение государства в центр развития системы институтов, но нельзя разделить эти стороны реформирования или отказаться от какой-то из них.

Второй. Рационализация общественного производства должна учитывать логику образования уровней экономики. В этом плане важно, что рыночное равновесие по Кейнсу имеет содержание метакругооборота производительного капитала. Поэтому поднятие производства из экономического спада в той мере, в какой здесь необходим структурно-уровневый подход, не является отраслевой проблемой. Как минимум это финансово-денежная проблема. Вместе с тем неверно упрощать денежно-финансовый аспект и сводить проблему инвестирования к процентной политике ЦБ или к бюджетной политике правительства.

Третий. В грубом приближении можно утверждать, что российская переходная экономика оказалась на втором структурном макроуровне, как бы пропустив первый, во всяком случае не раскрыв его возможностей до конца. Просто возврат к первому уровню невозможен, если речь не идет о глубокой деградации экономики и общества. Рыночная трансформация общественного производства должна опираться на алгоритм перехода от одного макроэкономического уровня к другому: от второго к третьему и уже затем в рамках метакругооборота финансового капитала - к первому.

Четвертый. Каждому структурному уровню присущи свои комплексы данных, зависимых и независимых переменных, определяющих адекватное экономическое равновесие, которое в принципе можно интерпретировать в терминах саморазвития, а не на языке статики или динамики общественного производства, избегая их противопоставления. Важно понимать системный характер регуляторов экономики, выражающий как особый характер рыночного равновесия на разных уровнях экономики, так и единство уровней.

Пятый. Главным объектом регулирования должны быть *данные*, но это регулирование многовариантно в смысле меры прямого воздействия государства на *данные* (объем дохода, денежная масса, собственность на капитал как базис залогового кредитования).

Шестой. Проблема регулирования не сводится к искусству государственного управления. Скорее, должна быть достигнута гармония институциональных, структурных

хозяйственных, структурных социально-экономических и технологических компонентов *олигопольного рынка*. Гармония такого рода должна учитывать специфику субъектов и особенности рынков в пределах разных макроуровней. Например, первый макроуровень нуждается в поддержании конкуренции и создании государством соответствующих "правил игры". На втором очень сильны тенденции монополизации, которые здесь просто необходимы, так как служат механизмом формирования как автономий разных рынков, так и комплекса отношений национальной экономики с мировым капиталом. На третьем макроуровне существенную роль играют партнерские отношения в рамках кооперации финансовых субъектов высокого ранга (крупных финансовых капиталистов, денежных и финансовых властей) при условии высокой подвижности финансовых ресурсов, равносильности финансовых, стоимостных, трудовых критериев экономического роста и изотропности всех уровней экономики в отношении указанных критериев.

Седьмой. Вторым по значению объектом регулирования должны быть *зависимые переменные*, природа которых двойственна. Применительно к третьему макроуровню существует необходимость формирования и реализации государством трех стратегий: капитального коэффициента, нормы капитализации и нормы монетаризации. Они должны содержать как меры по поддержке спонтанной рыночной тенденции приближения указанных величин к их предельным значениям, лежащим в пространстве предельного цикла расширенного воспроизводства национального капитала, так и институциональные решения, обеспечивающие формирование адекватной системы экономических субъектов с учетом структурно-уровневого характера экономики и рыночного равновесия.

Предложенные тезисы не вписываются в привычный взгляд на вещи. Польза их в том, что они намечают практический аспект логики структурно-уровневой рыночной системы и открывают логические перспективы содержательного анализа переходной экономики в России. Важно перестать ограничиваться поиском аналогий без доказательств или использовать аргументы по принципу "даже в развитых капиталистических странах...".

Взгляд на социализм в аспекте перспектив его рыночной трансформации

Для понимания перспектив развития финансового капитала и российской экономики на его основе следует уяснить, что происходящая в стране рыночная трансформация не означает становления рынка свободной конкуренции. Это присутствует лишь как момент в сложной рыночной экономической системе, которая и создается. Государство, как совершенно очевидно, не уходит из экономики, а претерпевает свою рыночную трансформацию и формирует свою нишу в экономической иерархии. Оно не только вынуждено было начать рыночную трансформацию, но и активно в ней участвовать в качестве субъекта рыночного поведения на макроуровне. Процесс рыночной трансформации нуждается не только в "правилах игры", но и в материальной поддержке в части образования и обслуживания внешнего и внутреннего долга, защиты от депрессии фондовых рынков при одновременном регулировании бюджетно-денежного равновесия (стабилизации), в регулировании внешних экономических отношений. Пора это осмыслить как явление рынка, а не рамочных условий для запуска рынка, причем осмыслить в логике становления рынка, а не его ограничения.

Сейчас для всех очевидно, что снятие с предприятий бюджетной регламентации погрузило их в рыночную среду, но без адекватной для нее инфраструктуры. Главным здесь является отсутствие инвестиционного денежного оборота как механизма формирования инвестиционного спроса и инвестиционного предложения и воздействия на инвестиционную сферу такого долговременного критерия, как предельная эффективность капитала. Речь идет об отсутствии финансового рынка внутри сферы произ-

водства как компонента системы финансово-денежных рынков, или системы макроуровня. Проблема связана с неполной рыночной трансформацией бюджетно-денежного оборота, характерного для социалистической экономики, а вовсе не с ослаблением роли государства в экономике.

Прохождение фазы бюджета было обязательным для всех видов денежных потоков, что придавало бюджетно-денежному обороту свойство синкретичности: фактически в него были вписаны разные критерии, но их действие проявлялось через дискретность бюджетно-денежного оборота и включало насильственное приведение всех процессов к размерности живого труда. При этом из бюджета шел поток финансовых ресурсов на предприятие. Ему отвечали критерии эффективности ОПФ, капиталоемкости и т.п. Затем в рамках предприятия этот поток прерывался и замещался товарно-денежным оборотом, в котором деньги выступали мерой стоимости, а последняя играла роль денежной формы затрат живого труда, полных балансовых затрат труда, приведенных затрат труда и т.п. Если первый поток находил "успокоение" в ОПФ, то второй - в произведенном продукте. Госплан и его структуры можно считать встроенным механизмом, благодаря которому товарно-денежный оборот тоже получал свою меру дискретности, так как его денежные пропорции регулировались приоритетным планированием сверху натурально-вещественного оборота. Реализация произведенного продукта обуславливала денежный поток от предприятия к бюджету, в котором товарные деньги трансформировались в доход, агрегированной формой которого и был бюджет. Наличие агрегированной, бюджетной формы для дохода в целом обеспечивало дискретность оборота потребительских доходов, которые всякий раз были функцией планирования бюджета. Это создавало режим минимизации потребительских доходов.

Рыночное преобразование бюджетно-денежного оборота предполагает осмысление соответствий (несоответствий) устройства социалистической экономики рыночному равновесию по Кейнсу. Последнее связано с тем, что социалистическая экономика может быть интерпретирована как специфическая, социалистическая форма рыночного равновесия по Кейнсу. Речь идет о том, что социализм создал специфическую форму - в ее основе лежало замещение производительного капитала общественной кооперацией живого труда - метакругооборота производительного капитала, которая как бы зафиксировала и пролонгировала кризисный механизм, встроенный в классический рынок на таком историческом этапе, когда он представлен микроэкономикой, замкнутой на саму себя, еще не имеющей выхода на макроструктурные уровни. Что это за механизм?

Его основу в рамках капиталистической экономики составляет рынок предложения (рынок производителей), который постепенно созревает и вычленяется в самостоятельный феномен внутри исторически исходного конкурентного рынка спроса (рынка потребителей). Конкретно это означает, что формируется блок индустриальных отраслей - топливно-энергетических, сырьевых, инвестиционных, — масштабы которого постепенно становятся соизмеримыми с размерами потребительского рынка. Внутри индустриального блока возникают относительно независимые от оборота дохода инвестиционные денежные обороты. Рынок предложения создает одновременно не только само товарное предложение, но и предложение денег в виде и кредитных денег, обеспечиваемых залогами производительного капитала, и трансформированных в деньги долговременных финансовых активов. Вспомним, что Кейнс видел в этом определенное затруднение для экономики [5, с. 369]. На наш взгляд, его можно сформулировать как угрозу замещения денег финансами, тем самым придание специфическим, финансовым деньгам, деньгам индустриального рынка как такового, статус универсальных денег. Это способно подчинить экономику тенденциям "производства ради производства".

Если говорить более конкретно, то кейнсианская модель позволила решить пять конструктивных задач. Во-первых, преодолеть угрозу "производства ради производства" и разрыва рыночного пространства. Во-вторых, сформировать благодаря рас-

цеплению капитала на его функциональные формы гиперболическое распределение собственности (распределение по гиперболе) на капитал в денежной форме, дополнив внутри его собственность крупных денежных монополистов собственностью среднего класса и собственностью на потребительский трудовой доход. Это подготовило переход в постиндустриальное общество с его трехклассовой структурой, трансформацией заработной платы в доход и преобразованием монопольных рыночных структур в олигополюсные. В-третьих, решалась проблема занятости в условиях интенсификации производства и НТП путем формирования вокруг ядра традиционных индустриальных отраслей периферии трудоемких производств и услуг, в том числе за счет огромного расширения финансово-денежного сектора в структуре рынков. В-четвертых, в сферу государственных приоритетов было включено регулирование кругооборота дохода и поддержание стабильного уровня дохода и нормы сбережений. В-пятых, на макроуровень было вынесено регулирование инфляции в условиях, когда ее факторами становятся ожидания, с одной стороны, собственников денег, а с другой - производителей.

Ни одна из указанных задач не стояла и не решалась в рамках социализма. Однако социалистическая модель хозяйствования обеспечивала трансформацию замкнутой микроэкономики в раскрытую, приведенную к макроструктурным механизмам рыночного равновесия, при этом подчиненную осуществлению внутренних тенденций развития микроэкономики в направлении индустриализации общественного производства и НТП. В рамках социализма кругооборот производительного капитала в прямой форме не мог существовать (там нет капитала и частной собственности). Микроэкономика осуществляет себя в формах, аналогичных метакругообороту: денежные структуры, при капитализме непосредственно связанные с производительным капиталом, при социализме формируются как таковые - собственно товарные и денежные потоки, регулируемые государством. Тем самым имела место как бы развернутая модель индустриализации и НТП. В ней, с одной стороны, снято противоречие рынков предложения и спроса и, соответственно, открыт горизонт для устойчивой тенденции к перенакоплению, а с другой — рыночное равновесие макроуровня сведено к примитивному равновесию спроса и предложения по аналогии с конкурентным рынком микроэкономики, но в отличие от него балансируется натурально-вещественный оборот в целом и бюджетно-денежный оборот в целом.

Получается, что компоненты рыночного равновесия по Кейнсу замещаются социалистическими дублерами: вместо денег и банковской системы как субъекта банковского процента - ЦБ как кассовый центр бюджета; вместо производительного капитала как субъекта предельной эффективности капитала - Госплан и его система межотраслевых и внутриотраслевых натуральных связей, суммированных в межотраслевом балансе ВВП; вместо дохода и его массового субъекта (с участием государства), реализующего определенный уровень сбережений в отношении к доходу, - Минфин, определяющий в форме бюджета практически всю совокупность пропорций чистого дохода общества. Перед нами квазирыночное равновесие, так как изменены не только компоненты рыночного равновесия, но и само его содержание.

Во-первых, социалистическому квазирыночному равновесию присуща тенденция к разделению и обособлению вертикальных оборотов - натурально-вещественного и стоимостного. Соответственно, возникает квазиравновесие спроса и предложения. Причем чем сложнее отраслевые связи, тем примитивнее бюджетно-денежные отношения, подавляемые оборотом потребительных стоимостей. Макроуровень как бы втягивается в микроуровень, государство теряет стратегические ориентиры, социализм постепенно вползает в режим плановой стихийности. Таким образом, если в рыночной экономике метакругооборот производительного капитала имеет тенденцию к усложнению экономики и к усилению ее способности к системной эволюции на принципах самоорганизации, то социалистическая форма метакругооборота производительного капитала имеет тенденцию к деградации.

Во-вторых, социалистический бюджетно-денежный оборот включает в себя приоритет бюджетного инвестиционного оборота. При этом плановое инвестирование слу-

жит основой примата кредитно-денежного оборота перед налично-денежным, а внутри кредитно-денежного - примата долговременного кредитования перед текущим. С точки зрения рынка социалистическая финансовая система может быть интерпретирована как квазифинансы. Тем самым в той мере, в какой государство переключило на себя формирование спроса, оно включило развитие рынка предложения как бы с опережением реальной индустриализации. Оба указанных момента сформировали социалистическую модель воспроизводства как модель, сочетающую в себе приоритет экстенсивных факторов, прежде всего полной занятости, и перенакопления в качестве универсального принципа инвестирования.

Это означает, что само по себе падение эффективности капиталовложений и текущего производства не может изменить кардинальных свойств социалистического общественного производства. Потолок развития наступает, когда исчерпываются ресурсы труда и капиталовложений. Во-первых, должна быть создана диверсифицированная отраслевая индустриальная структура, достаточно полнокровная, чтобы агрегировать крупные межотраслевые комплексы (сырьевой и топливно-энергетический, инвестиционный, потребительский), от которых зависит формирование и регулирование определенного типа экономического роста - трудоемкого, капиталоемкого, нейтрального. Статистика обнаруживает их уже в середине 60-х годов. Однако централизованное плановое управление не способно оптимизировать народное хозяйство как совокупность данных комплексов, так как это по сути финансово-производственная структура, осуществляющая приведение пропорций и динамики ВВП к пропорциям и динамике производительного капитала. В результате спонтанно сформировавшаяся структура межотраслевых комплексов действует отрицательно - как накопитель и усилитель инерции избыточной индустриализации и перенакопления [11].

Во-вторых, прежде чем достигнуть потолка, социалистическая экономика формирует переутяжеленную отраслевую структуру, для которой больше невозможно распределение отраслей внутри межотраслевого баланса ВВП симметрично относительно линии разделения капиталоемких и трудоемких отраслей как взаимодополнительных. Симметрия начинает складываться относительно границы выравнивания уровня капиталоемкости, т.е. ось балансовой симметрии проходит между сырьевым и инвестиционным комплексами, превращая потребительский комплекс в периферию экономики. Тем самым капиталовложения превращаются в монофактор (по крайней мере в доминантный фактор) социалистического экономического роста. Происходит перегруппировка макроуровня таким образом, что экономическим фокусом и центром планового управления становится бюджет, в котором наращивается дефицит и подготавливается инфляция.

В-третьих, использование социализмом в качестве рамочной модели экономического роста экстенсивной модели, навязывающей общественному производству постоянную индустриализацию, привело не только к сверхиндустриализации и к превращению экстенсивного экономического роста в псевдоэкстенсивный. В нем сочеталось два парадоксальных момента. С одной стороны, вовлечение в производство капиталовложений давало меньший прирост национального дохода, чем привлечение труда. Парадокс здесь в том, что капиталовложения в этот период приобрели статус монофактора экономического роста и народное хозяйство находилось под прессом дефицита капиталовложений. С другой стороны, каждая единица прироста занятых нуждалась в таком приросте капиталовооруженности, которая не компенсировалась увеличением производительности труда. Экономический рост становился простой функцией роста капиталовложений, производственная и финансовая база которых уменьшалась.

Можно говорить, что структура общественного производства стала потенциально инфляционной. К середине 80-х годов социалистическая экономика созрела для рыночной трансформации, и общество стало быстро проникаться этой идеей. Последний звонок прозвенел в конце десятилетия, когда начался экономический спад в своей простой наглядной очевидности: установились отрицательные приросты ВВП и инвестиций.

В заключение подчеркнем роль точки отсчета для формирования идеологии рыночной трансформации и ее программ. На наш взгляд, одинаково опасны две вещи: считать социализм в буквальном смысле нетоварной, натуральной экономикой и полагать, что политическая воля имеет ограничения только в самой себе или, что то же, в социально-политическом базисе реформирования. Оба подхода способны привести к необратимой деградации экономики. Еще страшнее, что конфронтация сторонников этих подходов способна сдвинуть общество с позиций системной эволюции социализма в бездну революции и гражданской войны. Однако не следует искать истину в компромиссе. Необходимо прокладывать траекторию рыночной трансформации, отталкиваясь от понимания природы социалистического квазирыночного строения и перспектив развития индустриальной экономики в сложную структурно-уровневую рыночную систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. НГ-политэкономика. 1998. № 9. Май. С. 4.
2. Белоусов А. Системный кризис как вызов российскому обществу // Проблемы прогнозирования. 1998. № 2.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993. С. 132, 133, 138, 139.
4. Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. М., 1988.
5. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
6. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994.
7. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Российская реформа в контексте теории Кейнса // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 107.
8. Евстигнеев В. Денежная эмиссия и переходная экономика // Вопросы экономики. 1997. № 10.
9. Сорос Дж. Алхимия финансов. М., 1997. С. 122.
10. Financial Condition and Macroeconomic Performance. Essays in Honour of Hyman P. Minsky. Armonk-London, 1992. P. 88.
11. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Трансформационный потенциал российской экономики // Общественные науки и современность. 1998. № 2.

© Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев, 1998